Александр Степанин

Одержимый

Роман

18+

Александр Степанин

Одержимый

«Автор»
2026

Степанин А.

Одержимый / А. Степанин — «Автор», 2026

Эмиль Шварц живёт по расписанию. Молится по уставу. Думает то, что должен думать. Он — образцовый студент теологии, будущий пастор, человек, который отдал себя чему-то большему, чем он сам.Так было до тех пор, пока он не встретил девушку у пекарни на Шлоссштрассе. И не услышал вопрос, который не имел права задавать: «Бог живёт ради тебя — или ты живёшь ради Него?»Одна трещина — и весь мир, казавшийся незыблемым, начинает шататься. Профессор, который учит смирению. Друг, который читает запретные книги. Тайный кружок людей, переставших служить призракам. И выбор, который нельзя сделать правильно — можно только сделать своим.Эта повесть — не пересказ и не иллюстрация. Это попытка рассказать языком классической прозы о философии Макса Штирнера, чьи идеи о «призраках», «Единственном» и «Союзе эгоистов» опередили своё время на полвека и до сих пор остаются самыми неудобными в западной мысли.Книга для тех, кто хотя бы раз спрашивал себя: а кому на самом деле принадлежит моя жизнь?

© Степанин А., 2026
© Автор, 2026

Александр Степанин
Одержимый

ОДЕРЖИМЫЙ
Роман

ГЛАВА 1. ОДЕРЖИМЫЙ

Эмиль просыпался всегда в одно и то же время — за полчаса до колокола собора Святого Матфея. Не потому, что так было нужно, а потому, что так было правильно. Правильный студент теологии не спит дольше, чем ему отпущено. Правильный студент теологии встречает рассвет на коленях.

Он сел на краю кровати, босыми ногами ощутив холод половиц. В комнате пахло старой бумагой и лампадным маслом — этим запахом пахла вся его жизнь с тех пор, как мать привезла его в город, в пансион при семинарии. Ему было тогда двенадцать, и он плакал всю дорогу в карете. Потом он перестал плакать. Потом он забыл, что когда-то плакал. Это тоже было правильно.

Эмиль сложил руки. Губы сами собой сложились в слова утренней молитвы — он произносил их так часто, что они давно отделились от смысла и существовали сами по себе, как скрип дверных петель. «Господи, направь стопы мои...» Колени коснулись пола. Холод пошёл выше. «...и не дай мне сойти с пути, который Ты мне назначил...» Где-то в животе шевельнулось что-то тёплое и ленивое — желание ещё полежать, потянуться, посмотреть в окно. Эмиль сжал зубы. Это было тело. Тело не имело права на желания. У тела был хозяин, и хозяином было не оно само.

Он молился пятнадцать минут. Ровно столько, сколько предписывал устав. Не больше — это было бы тщеславием. Не меньше — это было бы небрежением. Эмиль знал это так же твёрдо, как знал, что у треугольника три стороны.

Потом он встал, умылся ледяной водой из кувшина и начал одеваться. Чёрный сюртук, застёгнутый на все пуговицы. Белый воротник, накрахмаленный так, что впивался в подбородок при каждом повороте головы. Волосы приглажены, пробор ровный, ни одного волоска не смеет торчать. Эмиль смотрел в маленькое зеркальце над умывальником и видел там не себя — он видел студента теологии. Так и должно было быть. Зеркало не для того, чтобы смотреть на себя. Зеркало для того, чтобы проверять, соответствуешь ли ты тому, кем должен быть.

Он вышел на улицу, когда колокол ещё только раскачивался, готовясь ударить. Утренний воздух был острым, как лезвие. Эмиль шёл по мостовой, и каждый его шаг был шагом по расписанию. Семь минут до ворот семинарии. Три минуты до раздевалки. Пять минут до аудитории. Он не знал, что будет, если опоздает на минуту. Наверное, ничего. Но он и не проверял.

В аудитории пахло воском и старыми книгами. Профессор Гольц уже стоял за кафедрой — маленький, сухой, с лицом, которое казалось высушенным между страниц фолианта. Когда он говорил, его губы двигались почти незаметно, и казалось, что слова исходят не из него, а из самой кафедры, из стен, из портрета Лютера над доской.

— Служение, — произнёс Гольц, и слово повисло в воздухе, как дым. — Служение — это не то, что вы делаете. Служение — это то, что делает вас. Вы не выбираете путь. Путь выбирает вас. И если вы достойны — он вас ведёт. Если недостойны — он вас ломает. Но и в том, и в другом случае — он главный.

Эмиль кивнул. Все кивнули. Это была истина, в которой не было нужды сомневаться, как не было нужды сомневаться в том, что солнце встаёт на востоке.

— Посмотрите на святого Августина, — продолжал Гольц, и глаза его чуть блеснули — единственная живая деталь на этом высушенном лице. — Он искал себя. Он метался. Он грешил. И что он обрёл в конце? Он обрёл не-себя. Он стал сосудом. И только став пустым — он наполнился. Вот вам, молодые люди, урок на весь год: чем меньше вы — тем больше То, ради чего вы живёте.

Эмиль записывал. Рука двигалась сама. Чем меньше ты — тем больше... Перо скрипело по бумаге, и в этом скрипе было что-то успокаивающее. Мысль профессора была красивой. Она была правильной. Она была священной.

И всё же — где-то очень глубоко, под слоями молитв, уставов и правильных мыслей — шевельнулось что-то. Не мысль. Скорее, ощущение. Как будто кто-то тихонько дёрнул его за рукав и прошептал: «А тебе-то самому это зачем?»

Эмиль моргнул. Он посмотрел по сторонам. Никто ничего не шептал. Рядом сидел Рудольф и тоже писал — но как-то странно, слишком быстро, будто ему было скучно и он просто заполнял бумагу, чтобы от него отстали.

После лекции они вышли во двор. Рудольф закурил — это было запрещено, но Рудольф курил всегда, как будто сам факт запрета его забавлял.

— Ты слышал, что он сегодня нёс? — Рудольф выпустил дым в серое небо. — «Чем меньше ты». Слушай, Эмиль, а если я стану совсем маленьким — я что, исчезну? И кто тогда будет слушать его лекции?

Эмиль нахмурился.

— Ты опять шутишь над серьёзными вещами.

— Я не шучу. Я спрашиваю. — Рудольф посмотрел на него сбоку, и в его взгляде было что-то, от чего Эмилю стало не по себе. — Скажи, друг мой. Вот ты. Теолог. Будущий пастор. Ты живёшь ради Бога. Но скажи мне честно — Бог живёт ради тебя, или ты живёшь ради Него?

Эмиль открыл рот — и закрыл. Вопрос был не просто дерзким. Он был невозможным. Как можно спросить, живёт ли солнце ради того, чтобы греть тебя, или ты живёшь ради солнца? Вопрос не имел смысла. Но именно поэтому он и застрял в голове, как рыбья кость в горле.

— Ты говоришь ересь, — сказал Эмиль наконец.

— Может быть. — Рудольф усмехнулся и бросил окурок в лужу. — А может, я просто первый за весь день задал нормальный вопрос.

Он ушёл, оставив Эмиля одного посреди двора. Колокол ударил — теперь уже по-настоящему, и звук пошёл по крышам, по черепице, по головам студентов. Эмиль постоял немного, слушая, как медный голос говорит ему, что он должен. Что он должен идти. Что он должен быть. Что он должен.

Вечером, возвращаясь из библиотеки, он увидел её.

Она стояла у пекарни на углу Шлоссштрассе — девушка в простом сером платье, с корзиной в руке, и ждала, пока хозяйка отсчитает ей сдачу. Эмиль знал её — это была Катарина, дочь булочника с соседней улицы. Он видел её раньше, мельком, но никогда не смотрел. Смотреть на девушек было неприлично. Студент теологии не смотрит на девушек. Студент теологии смотрит в книги.

Но сегодня он посмотрел.

Она подняла глаза — и их взгляды встретились на секунду. У неё были глаза цвета остывшего чая, и в них не было ничего правильного. Не было смирения. Не было благочестия. Не было ничего из того, чему его учили видеть в женщине. В них было что-то другое — что-то, от чего у Эмиля перехватило дыхание, как от удара под дых.

Он отвернулся первым. Пошёл быстрее. Сердце стучало так, что он боялся — прохожие услышат.

Это искушение, — сказал он себе. Это тело. Это грех. Это не твоё.

Но слова звучали как-то глухо. Как будто они приходили издалека, из той самой аудитории, от профессора Гольца. А внутри — в груди, в животе, в кончиках пальцев — жило что-то другое. Тёплое. Живое. Его.

И это было страшнее всего.

ГЛАВА 2. ТРЕЩИНА

Эмиль видел её снова. И снова. И снова.

Это было неправильно. Он знал, что это неправильно. Студент теологии не должен ходить мимо пекарни на углу Шлоссштрассе три раза в день — утром, в обед и вечером. Это было подозрительно. Это было искушением. Но он ходил.

Катарина стояла за прилавком, и её руки были в муке — белые, как снег, только что выпавший. Она смеялась с покупательницами, и смех её был не таким, как у других девушек. Другие девушки смеялись правильно — тихо, опустив глаза, как будто смех был чем-то постыдным. Катарина смеялась так, будто ей было весело, и ей было плевать, кто это видит.

Эмиль проходил мимо, делая вид, что не смотрит. Но он смотрел. И каждый раз что-то внутри него шевелилось — тёплое, живое, его. И каждый раз он это что-то давил.

— Ты стал часто гулять, — сказал Рудольф однажды вечером, когда они возвращались из библиотеки. — Раньше ты ходил только по расписанию.

— Я гуляю для здоровья, — ответил Эмиль.

— Для здоровья. — Рудольф усмехнулся. — Странно. Обычно для здоровья ходят в другую сторону.

Эмиль не ответил. Он знал, что Рудольф прав. Но он не мог остановиться.

Через неделю его вызвал профессор Гольц.

Кабинет Гольца был маленьким и тёмным, как склеп. На стенах висели гравюры с изображением святых — все они смотрели вниз, на Гольца, с выражением одобрения. Гольц сидел за столом, заваленным бумагами, и не поднял глаз, когда Эмиль вошёл.

— Садитесь, — сказал он наконец.

Эмиль сел. Стул скрипнул.

— Вы подаёте надежды, Эмиль, — начал Гольц, всё ещё не поднимая глаз. — Вы прилежны. Вы благочестивы. Вы следуете уставу. Я слежу за вами с первого курса, и я вижу в вас будущего пастора. Хорошего пастора.

Эмиль кивнул. Это было правильно. Это было то, чего он хотел.

— Но, — Гольц поднял глаза, и его взгляд был тяжёлым, как камень. — Я слышал кое-что.

Эмиль замер.

— Говорят, вы часто гуляете мимо пекарни на Шлоссштрассе. Говорят, вы смотрите на дочь булочника.

Эмиль открыл рот, но не нашёл, что сказать. Он чувствовал, как кровь приливает к лицу, и ненавидел себя за это.

— Это правда? — спросил Гольц тихо.

— Я... я просто проходил мимо, — сказал Эмиль. — Я не...

— Эмиль. — Гольц снял очки и протёр их платком. — Вы знаете, что я думаю о вас. Я думаю, что вы можете стать хорошим служителем церкви. Но для этого вы должны быть чисты. Вы должны быть свободны от всего низменного. От всего, что тянет вас вниз.

Он надел очки и посмотрел на Эмиля прямо.

— Эта девушка — не для вас. Она из другого мира. Она не понимает вашего призвания. Она не сможет быть женой пастора. Вы должны забыть о ней.

Эмиль кивнул. Он не мог не кивнуть. Гольц был прав. Катарина не понимала его призвания. Катарина смеялась громко и не опускала глаза. Катарина не годилась.

— Но есть и хорошая новость, — продолжил Гольц. — Профессор Вебер говорил со мной. Его дочь, Марта, — девушка благочестивая, образованная. Она подходит вам. Вебер не против, чтобы вы начали ухаживать за ней.

Эмиль посмотрел на Гольца. Марта Вебер. Он видел её однажды — худая, бледная, с глазами, которые смотрели в пол. Она говорила тихо, как будто боялась, что слова её слишком тяжёлые для этого мира. Она была правильной.

— Это... это большая честь, — сказал Эмиль.

— Это не честь, — ответил Гольц. — Это долг. Вы должны думать о своём будущем. О будущем церкви. Вы не можете позволить себе роскошь быть... собой.

Он сказал это так, будто "быть собой" было чем-то постыдным. Чем-то, от чего нужно избавиться. Как от болезни.

Эмиль кивнул снова. Он встал и вышел из кабинета.

Он шёл по улице, и ноги его шли сами собой, по знакомому маршруту. Но он не шёл в библиотеку. Он шёл к пекарне.

Катарина стояла за прилавком и продавала хлеб старой женщине. Увидев Эмиля, она улыбнулась — не так, как улыбаются другим, а как-то по-особенному, будто они были старыми знакомыми, хотя они никогда не разговаривали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.